

УДК 3
ББК 63.3(7) / 71.1

Гирин Юрий Николаевич

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Москва

ORCID ID: 0000-0002-3251-0641

yurigin@hotmail.com

Ключевые слова: цивилизация, культура, утопия, граница, пустота, идентичность, самость, бытие, самосозидание, инаковость.

Гирин Юрий Николаевич

Латинская Америка: начала самобытия

Статья посвящена рассмотрению латиноамериканского культурного мира в его становлении в цивилизационном аспекте. Автор полагает, что Латинская Америка исторически сложилась не просто как совокупность разных государственных образований со своими особыми национальными укладами, но как цивилизационная целостность, построенная на общих и единых мироустроительных основаниях, бытийных началах. Эта цивилизационная общность включает в себя определенный набор факторов, номинально совпадающих с европейскими понятиями, однако существенно отличных от них, если не прямо противоположных. Переворачивание смыслов происходит благодаря основному механизму латиноамериканского культурогенеза — парафразу, сказывающемуся на всех уровнях бытия Нового Света. Особенности латиноамериканской картины мира анализируются в их целокупной взаимосвязи.

Girin Yury N.

Doctor of Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ORCID ID: 0000-0002-3251-0641

yurigin@hotmail.com

Keywords: civilization, culture, utopia, border, emptiness, identity, self, existence, self-creation, otherness.

Girin Yury N.**Latin America: Beginning of Self-Existence**

The article is devoted to the consideration of the Latin American cultural world in its formation in the civilization aspect. The author believes that Latin America has historically developed not only as a collection of different state formations with their own special national structures but as a civilizational integrity built on common and unified world order foundations, existential principles. This civilizational community includes a certain set of factors that nominally coincide with European concepts but essentially different from them, if not directly opposite. The reversal of meanings occurs due to the main mechanism of Latin American cultural genesis — a paraphrase that affects all levels of being in the New World. The features of the Latin American picture of the world are analyzed in their integral interconnection.

Современная наука все более склонна оперировать понятиями, которые в классической или даже постклассической картине мира вряд ли могли претендовать на значимое место в гносеологическом понятийном инструментарии. Условия гносеологического пограничья понуждают ее обращаться в поисках культуuroобразующих факторов к граничным же феноменам культуры; меняется и содержание привычных «центро-ориентированному» сознанию категорий. Эта ситуация многократно усиливается при обращении к культурам пограничного типа — таким, как российская, балканская, латиноамериканская, противостоящих так называемым статусным культурам (или цивилизациям) [15].

В современной науке цивилизационный подход представляется наиболее перспективным по отношению ко многим явлениям культуры [5], [8], [11], [16]. Исследователь цивилизационной специфики так определяет суть проблемы: «Теория локальных цивилизаций базируется на идее о том, что в ходе общеисторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых, отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определенной, весьма значительной территории, и оказывается фактором, задающим весь строй жизни. Это и есть локальная цивилизация. В качестве примера можно привести западнохристианскую или евроатлантическую, исламскую, индийскую, латиноамериканскую цивилизации» [16, с. 4].

В свое время виднейший исследователь латиноамериканской культуры В.Б. Земсков постулировал: «Уже давно в отечественной культурологии Латинская Америка рассматривается как пограничная цивилизация. Действительно, „человек латиноамериканский“ — это в полном смысле человек этнокультурного пограничья, рассеченный и соединенный многими линиями-традициями. Мисцегенация таких масштабов, взаимодействие разных уровней и типов европейской, автохтонной и негритянской традиций, взаимодействие все более широкое с неиберийскими европейскими традициями — это составные, видимо, не имеющие аналога на обозримом историческом пространстве мировой истории, сложного варианта формирования нового человеческого сообщества, в котором представлено практически все мировое сообщество» [7, с. 251].

Латиноамериканский мир искони пребывает на грани бытия; он все еще находится в процессе самосотворения, самопознания и са-

мопоименования. Это идентичность множественная, возникающая из «центра небытия» («el centro de la nada»), по выражению Ф. Аинсы, и прорастающая в своего рода «фундационный номадизм» [19, р. 123], который, соответственно, помещает центр культуры на периферию, что и обуславливает *эксцентричность* самой этой культуры [19, р. 122]. Поэтому в латиноамериканском художественно-идеологическом дискурсе понятие «граница» (и его производные) чрезвычайно релевантно, хотя и употребляется в разных смыслах — настолько же разных, насколько многоаспектно и многогранно бытие Латинской Америки, разнообразной и в культурном, и в чисто географических смыслах. М.Ф. Надъярных тонко и точно дифференцировала различные аспекты указанной проблематики, отметив, что в случае Латинской Америки вроде бы синонимичные понятия относятся к разным смыслам: «И значимо здесь не только принципиально акцентированное слово „граница“ как таковое, но и принципиальное изобилие разнопорядковых понятий, во „внутренних формах“, в изменчивости которых прочерчивается многообразие ракурсов восприятия культурной динамики. Ключевую роль играют здесь слова *рубеж, грань, предел, горизонт, века, борозда, межа, водораздел*. В этом тяготеющем к бесконечности списке должны, пожалуй, присутствовать и понятия, этимологически и метафорически сопряженные с идеей „границы“ — *термин и острие, линия, точка, плоскость, скорлупа, ребра, рамка, рампа* и т.д. Причем весьма важным является внимание к количественным характеристикам, к соотношению единичности и множественности, к выбору формы соответствующих слов <...>, как и системность соположения „границ“ с возможной встречей имманентного и трансцендентного и со сферой почвы (земледелия), опосредованно отсылающего к изначальным смыслам концепта „культура“» [13, с. 189]. Насколько же многоаспектно и многогранно столь часто употребляемое здесь понятие «идентичности», которое всякий раз означает разное. Иное...

Но не будем обольщаться и словом «утопия», нагруженным привычными для нас негативными коннотациями. Тем не менее свой характер имеют и латиноамериканские утопические идеологемы: они предполагают самореализацию не в наличной данности, а в гипотетической, умосозидаемой перспективе, в некоей сверхпредельности, которую Ф. Аинса именует зоной инаковости. В этом и состоит пограничность, лиминальность экзистенциального ландшафта, которая

составляет главную характеристику латиноамериканской цивилизационной парадигмы. Как представляется, именно в силу того, что латиноамериканский мир функционирует в режиме переходности, *трансгрессии*, — а это состояние вполне может иметь не темпоральный, а онтологический характер — все формы его культуротворческого процесса отличаются высокой степенью ритуализованности, что приводит к повышенной семантизации жизненного, даже обыденного поведения, к постоянному самоосмыслению в эсхатологической перспективе, к жизнотворческим установкам.

В общем смысле то, что в Европе выступает как лудическая или экспериментальная форма культуры, но, в любом случае, маркируется ненормативностью, в Латинской Америке является единственно нормальным «модусом» действия; что в Европе предстает как деструкция образа, канона смысла, то в Латинской Америке выступает как принцип новой конструкционности, собирания смысла и образа бытия. Если в Европе новый смысл рождает адекватную себе форму выражения — в соответствии с представлением об обязательной о-пределенности, о-формленности, о-телесности всякой сущности, — то в Латинской Америке, уже вступившей в контакт со Старым Светом, но никогда не знавшей понятия целостности собственного культурного тела и образа мира, ищется не смысл, а форма; сам поиск смыслов ведется через отбор и рекодификацию форм. Вот почему в латиноамериканской рефлексии основным — и конструктивным — принципом является *эклетицизм* (категория негативная для европейского сознания), а умозрительная по самой своей природе философия здесь непременно оказывается функционально ориентированной, направленной на обслуживание задач самостроительства. При этом содержательный смысловой потенциал переносится с субъекта на предикат, на способ отношения; соответственно, художественное выражение, «форма» обретает статус самосущности, ибо именно художественный дискурс есть средство самосотворения новой культуры и сфера обретения самосознания ее носителями. Вот почему эта культура с таким постоянством и с такой отчаянностью возлагает свою озабоченность проблемой самовыражения, ища в гипотетической «идентичности» некую никогда не существовавшую целостность, имманентно, со времен Античности, присущую культуре Старого Света.

Латинская Америка — это, как известно, уникальный культурный ареал, не имеющий ни самоназвания, ни собственного языка, и одного этого уже вполне достало бы для родовой травмы. Как язык, так и имя были даны извне. Присвоенное вчуже имя стало символом действительности, сокрытой под «онтологической маской» (Рене Деспестр). П. Вердевуа отмечал «множество названий, которые были даны этой группе стран: Индии, Америка, Испаноамерика, Америка Испана, Америка Эспаньола, Америка Испаника, Латиноамерика, Латинская Америка, Ибероамерика, Индоамерика, Евроиндия (термин, предложенный аргентинцем Рикардо Рохасом в одноименной книге) и Американдия. <...> Кто мы, если мы даже не знаем своего настоящего имени, а название Америка, полученное при крещении (да и то данное итальянским мореплавателем), было узурпировано другими, так что даже когда жители нашего континента говорят об „Америке“, они имеют в виду другую, Северную Америку?» [3].

К тому же язык колонизаторов не был имманентно *своим*, несущим в себе самый код, алгоритм данной культуры, ее внутреннюю форму. Иберийская языковая матрица не соответствует американской природной идиосинкразии, не совпадает с контуром ее ландшафта, диктующего иное мировосприятие, иной строй языка, иную энтелехию. Имманентная чуждость языка этнокультурному самосознанию в первую очередь обусловила родовую травму латиноамериканского «Я», изначально ищущего совпадения с собственной должной сущностью (*identidad, autenticidad*) в беспрестанном процессе культуротворчества, самосотворения, космогенеза. Общность языка в данном случае, хотя и является унифицирующим фактором, в еще большей степени играет роль отрицательную, самоотчуждающую, тормозящую механизм самоидентификации целого континента, на котором, по выражению Октавио Паса, автора книг эссе «Лабиринт одиночества», «история превратилась в маскарад». Зыскующий своего подлинного становления через собственное имя, адекватное слово, мир этот вынужденно прибегает к парафразированию чужих культурных языков, форм, дискурсов.

В этом смысле Латинской Америке присущ комплекс объектности, хотя XX век, особенно вторая его половина, позволил ей наконец обрести искомую самоидентичность, стать субъектом самобытия. Я намеренно развожу понятия «самость» и «идентичность», полагая, что латиноамериканская самость представляет из себя совокупность

разных идентичностей [20]. Здесь, очевидно, следует разобраться, что понимается под «самостью», а что — под «идентичностью», и почему эти понятия не равнозначны. Идентичность (в данном случае — социокультурная) подразумевает некоторую устоявшуюся целостность, основанную на стабильных исторических ценностях. При всей культурно-исторической и дисциплинарной многозначности этого понятия, оно восходит к древнему калокагатийному принципу и неистребимой со времен Античности идее изначально оформленного прафеномена, держащей весь состав европейской культуры.

Самость (*mismidad*) же — категория скорее психологического толка, характеризующая сложную совокупность разнородных факторов, которая, тем не менее, единственно пригодна для категоризации гетерогенного организма. В социально-культурной реальности Латинской Америки, даже не всегда ощущающей себя самостью, идентичность есть некий фетиш, на который она ориентирована, дабы обрести свое «Я» в противовес смущающему ее дух европоцентризму. Однако ценность и единственность латиноамериканского бытия состоит именно в обладании неповторимой самостью, вовсе не обязательно долженствующей стать идентичностью.

Сходные эти понятия входят в комплекс обозначений, призванных выразить особость латиноамериканского мира. Ф. Аинса писал об этом так: «Хотя термин „культурная самобытность“ появился совсем недавно, попытки определить специфические латиноамериканские черты всегда составляли неотъемлемую часть культурной истории континента с момента его открытия. В разные периоды появлялись такие выражения, как „латиноамериканская действительность“, „латиноамериканская идея“, „американская сущность“, „национальное самосознание“ и „латиноамериканские формы выражения“ или „латиноамериканское своеобразие“» [1, с. 36]. Поэтому в данной работе в качестве рабочего инструментария выбраны термины «самость» и «идентичность», которые, равно как и их производные, будут использоваться в зависимости от контекста.

Проблема культурной самоидентификации составляет ключевой момент латиноамериканской рефлексии о смысле собственного бытия. Поиск самоидентичности (*identidad*) выступает неким сверхсмыслом латиноамериканского идейно-художественного сознания, онтологическим ориентиром на итоговое самоосуществление, понимаемого

как совпадение идеи самости с формой наличного бытия. Драматизм ситуации состоит в том, что она неразрешима — собственная латиноамериканская данность никак не желает отождествиться ни с одним из многих идентификационных вариантов. Вернее сказать, сама категория идентичности, тесно связанная с западноевропейским понятием индивидуальности, оказывается несостоятельной в применении к многомерной реальности латиноамериканского мира. Ведь понятия индивидуальности, личностного самосознания, собственно идентичности относительны и исторически детерминированы [17]. Но в чем же особенность латиноамериканской ментальности, что такое собственно латиноамериканский способ бытия (*modo de ser*)?

Попытаемся вкратце обозначить его основные черты. Исходным пунктом послужит мысль о том, что латиноамериканский мир представляет собой цивилизационное образование с особым этно-психологическим складом, специфически структурированным этосом, по отношению к которому как европейская (западная), так и восточная парадигматика, соответствующие мировым цивилизационным типам, срабатывают далеко не всегда. Но в чем же проявляет себя особость бытия, самость латиноамериканского мира?

Можно позавидовать исследователям восточных культур, философий и традиций — они, хоть и наталкиваются на проблему непереводимости восточных категорий на западный лад, все же имеют дело с определенной системой понятий, категорий и самоназваний. Но восточным миропредставлениям тысячи лет — Латинская Америка, возникшая как перенос культур и языка, существует всего 500 лет. Сам процесс колонизации материковой Америки занял всего три с половиной десятилетия, «а осуществили это грандиозное предприятие в общей сложности тысяч десять воинов-конкистадоров» [10, с. 7]. Так образовалась некоторая целостность, состоящая из осколков разных идентификаций, к тому же подвергшихся в процессе эволюции иначечению — трансформационному парафразу, о чем будет сказано ниже.

Почти все латиноамериканские писатели и мыслители говорят о сплетении форм и смыслов в процессе хаотически бурлящего, протуберирующего культурогенеза, в принципе не сводимого к привнесенным формам. Мир Латинской Америки являет собой совокупность множества этнических, культурных, цивилизационных и формационных типов, механизм интегрирования (в основном осмотического

типа) которых столь многосложен, а главное — векторно разнороден по принципам функционирования, что его описание и интерпретация требуют собственного гносеологического тезауруса. «История как соположенность» — так характеризовал процесс формирования этого конгломерата мексиканский философ Леопольдо Сеа. Возможно, своей интерпретационной методологии и своего концептуального аппарата, которые учитывали бы конкретное содержательное наполнение универсальных категорий и понятий, требует каждый тип культуры, каждый цивилизационный класс, если не любая отдельная культура, что составляет особую задачу гуманитарного знания. Во всяком случае, культура Латинской Америки представляет собой большую интерпретационную проблему на всех уровнях — от индивидуальных поэтик до поэтики латиноамериканского образа бытия как системы.

Латиноамериканская культура возникла не исключительно на основании традиционных мифологем, исторически встроенных в общественное бытие европейского типа, — бытие было новым, иным, отчего все транспонированные культурные концепты неизбежно подвергались радикальной ресемантизации, да к тому же дополнялись автохтонными смысловыми коннотациями. Поэтому Новый Свет принимается творить собственные мифосимволы, в которых кристаллизуется структура его мирообраза. Однако мифологическая составляющая здесь является всего лишь частью более масштабного утопического проекта, обретающего в Латинской Америке особые, культуротворческие коннотации, поскольку речь идет о культуре не только становленческого, но и самосозидающего типа.

Можно сказать, что если европейский образ мира обусловлен наличием прототипа, то латиноамериканский ориентирован на некий гипотетический *эпитип*, сотворение которого и составляет смысл латиноамериканской культуры. Причем ориентированность эта, устремленность *вовне*, в запределье «*más allá*» возникла еще до начала собственно конкисты — она существовала в зародыше уже в сознании устремившихся к берегам неведомого авантюристов-первооткрывателей. Можно полагать, что латиноамериканский мир был *явлен* или *преддан* еще до своего открытия — ведь его образ несли в своем насквозь мифоориентированном, мифотропном сознании плывущие *открывать* его первооткрыватели. «Любопытно, что не пройденное, неизведанное пространство конкистадор называет „землей,

ждушей открытия“» [10, с. 35]. Да, это были именно первооткрыватели, а не конкистадоры-завоеватели, поскольку их миссия принадлежала более трансцендентному, бытийному уровню, нежели только грубо эмпирическому, материально-завоевательскому.

В данном контексте представляется весьма проблематичным употребление центрального в культурологическом словаре термина «идентичность», поскольку это понятие принадлежит центроориентированному образу мира и нагружено западноевропейскими представлениями о цельности индивидуального начала, саморавности индивида. А вот латиноамериканская *самость* не субъектна и не индивидуалистична; она именно не есть *in-dividuo* (то есть «нераздельное целое») — совсем наоборот: она бесконечно множественна! Онтологическая парадигма Латинской Америки синергийна, построена на множественной сопричастности разнородных волей и сознаний, которые образуют не структурированную системность, но сопряжение зазоров и узловатостей, пустот и наростов.

Воображение в латиноамериканской культуре играет роль моделирующего механизма, содействующего культуротворческому процессу в узловых актах самосозидания. Закономерно, что образ миф в латиноамериканской литературе имеет более высокую аксиологическую значимость, чем идея. Однако и концепт образа, и концепт мифа семантически и функционально весьма отличаются от европейских, в сущности, оригиналов. Х. Лесама Лима даже утверждает, что историческая функция образа в Латинской Америке буквально «антитетична» европейской [22]. Пытаясь объяснить сверхизбыточность воображения в культуре Латинской Америки, Карлос Фуэнтес считал, например, что в этом проявлялся феномен барочности, обуславливавший словесную избыточность латиноамериканского писателя, стремящегося заполнить пустоту, в которой он обретается.

В свое время отечественные латиноамериканисты были немало скандализованы соображениями М.К. Мамардашвили, сказавшего буквально следующее: «Мы можем предположить, что Латинская Америка — это нечто, содержащее в себе некую пустоту, аналогичную той, которая была в России и которая могла вместить вот такого рода проекты — проекты, которые разрабатывались большевиками в России» [12, с. 42]. При этом философ уточнил, что он имеет в виду общность в реализации идеи о себе как абсолюта, и добавил, что ла-

тиноамериканцы в поисках себя «идут от культуры». То есть в общем смысле речь идет о дефиците чувства идентичности, порождающем утопические проекты самореализации. «Из пустоты возникает активное начало», — итожит свое исследование нумерологии Т.М. Фадеева [14, с. 33]. Примкнувший к неортодоксальному мыслителю автор этих строк предполагает, что, наверное, на слово «пустота» можно обидеться — если воспринимать его на обыденном уровне. Но можно вспомнить и испанского философа, сказавшего: «Каждая вещь содержит в себе указание на возможную полноту своего бытия» [24, р. 2].

По-видимому, архетипический бином «граница» — «пустота» и составляет глубинную основу многих бинарных структур латиноамериканского семиозиса — взаимосоотносимых «цивилизационно-культурных оппозиций» [6], в рамках которых культура пограничного типа стремится создать собственную картину мира. Соответственно, эти центральные понятия, будучи подвергнуты ресемантизации, теряют свои негативные коннотации, превращаясь в инструменты строительства нового мира. Так, понятие *утопии* имеет здесь свой, отличный от привычного нам смысл и означает нечто вроде стремления к реализации собственной самости, обретению подлинного бытия: «Ибероамерика должна творить свои собственные утопии... сделать их своими образцами...» [23, р. 52]. Параллельно этому возникает и болезненная рефлексия по поводу собственной *топии*: «Составляем ли мы периферию по отношению к нашему центру или же мы — центр нашей периферии?» [25, р. 13].

Ф. Аинса так объясняет это различие: «Утопия, которая в западном общественном сознании сегодня столь изгоняется, изначально присутствовала истории Латинской Америки, где несложно проследить противоположение „топии“ реальности (бытия) онтологии должного бытия, то есть собственно утопии. Это противоположение между бытием и идеалом объясняется не только двойственной природой самого утопического дискурса, но также и исключительными особенностями разъятой американской идентичности, отличительные признаки которой определяются не столько тем, чем Латинамерика является в действительности, сколько тем, чем она „полагает себя“, а еще больше тем, чем она „хотела бы быть“» [18, р. 105]. Таким образом, свободная от западноевропейского идеала архетипоцентризма и чуждая векторно ориентированному прагматизму североамериканской «великой

мечты», латиноамериканская «утопия» носит имманентно открытый, целеполагающе культуростроительный характер.

Что касается онтологической проблематики Латинской Америки, то она, действительно, испытывает синдром доподлинного исторического, культурного и политического пограничья, промежуточности, вневходимости. Но именно эта культурная пустотность, зияющая пустота вполне может оказаться наполненной культурогенным смыслом [4]. Общеизвестно, что в латиноамериканском философском и культурологическом дискурсе на разные лады варьируется тезис: «Мы есть то, чем мы хотим быть», то есть подлинное самообретение мыслится лишь за пределами собственного «Я» и за пределами наличной, исторической данности. Значимость этой специфической мифотворческой, утопической компоненты латиноамериканского самосознания прямо пропорциональна величине ощущения собственной дефицитарности, неполноценности, некоей пустотности. Опираясь тут было на что. Вот, например: «В латиноамериканском мышлении рассуждение о том, какие мы есть, всегда сопровождается представлением о том, какими мы *должны быть* <...> *мы представляем собой то, что думаем о себе в измерении будущего*» [21, р. 5]. То есть подлинное самообретение мыслится лишь за пределами собственного «Я» и за пределами наличной, исторической данности.

Ситуация вневходимости, по М.М. Бахтину, как раз и предполагает построение культуры на границе и приятие чужого слова как своего (о чем неоднократно говорил и Ю.М. Лотман). «Только диалогическая, соучастная установка принимает чужое слово всерьез и способна подойти к нему как к смысловой позиции, как к другой точке зрения. Только при внутренней диалогической установке мое слово находится в теснейшей связи с чужим словом, но в то же время не сливается с ним, не поглощает его и не растворяет в себе его как слова», — писал М.М. Бахтин [2, с. 270–271]. Таким образом, мнимо негативная ситуация вневходимости как раз и позволяет субъекту обрести целостную идентичность. С другой стороны, бразильский ученый утверждает, что главный фактор формирования национальной идентичности «заключается именно в признании „другого“ как конституирующей составляющей себя самого. Это смешение — не отрицание собственного культурного наследия, а, наоборот, его утверждение» [9, с. 141].

Как уже говорилось, для латиноамериканской цивилизации характерно, что по отношению к Европе все системообразующие категории обретают иные смысловые коннотации, состоящие с нормативным понятийным инструментарием скорее в отношениях омонимии. Так, например, если для европейского субъектного сознания *горизонт* — это то, что «меня» окружает, образуя границу «моего» мира, то для латиноамериканского, скажем, сознания, лишенного субъектной доминанты, горизонт — это граница Другого, от которого «Я» отделено, это стимул к преодолению предела, порога, границы, проникновению за грань — наличного, видимого, бытийного. Горизонт — это знак инобытийности, *инаковости*. Понятие же «предела» как границы (*límite*) вообще отсутствует в латиноамериканском концептуальном тезаурусе — его замещает принцип осмоса, синергичности, ярко проявившийся еще во времена конкисты. Зато актуально понятие «запределье», «*más allá*», то есть преодоление предела в акте трансгрессии, *rite de passage*, и устремленность к утопическому образу своего «Я», что и обуславливает своеобразие культуротворческих процессов.

Пятьсот лет назад в момент столкновения двух культур произошло не только их совмещение и даже частично взаимоналожение в плоскости мифологических ожиданий, но и их взаимное вытеснение, что привело к *смещению* ценностных центров двух картин мира. Таким образом, итоговый результат, часто некорректно именуемый синкретизмом, а временами даже симбиозом культур, в действительности представляет собой не более и не менее как децентрированную структуру полиморфного типа. Имеется в виду такая смесь разнородных компонентов, вступивших между собой во взаимодействие, которая не приводит к образованию принципиально нового качества, как это подразумевается в случае синтеза — новообразование сохраняет свойства разнородности компонентов, но конституирующее значение начинает приобретать сам факт и характер их связи, сцепления, взаимодействия. Таков же принцип функционирования и головного мозга (посредством нейронных связей), и всей вселенной, имеющей ячеистую структуру организации космоса. Именно в этом смысле — как совмещение разнородных этнокультурных составляющих в несливаемом, но и неразрывном единстве — и состоит особенность латиноамериканского мира, его способа бытия.

Список литературы:

- 1 Аинса Ф. Латиноамериканская культура: уникальность и самобытность // Культуры: диалог народов мира. 1986. № 4. С. 35–45.
- 2 Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. 509 с.
- 3 Вердевау П. Поиски национальной самобытности и ее выражение в XX веке // Культуры: диалог народов мира. 1986. № 4. С. 46–63.
- 4 Гирин Ю.Н. Граница и пустота: к вопросу о симиозисе пограничных культур // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 85–94.
- 5 Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 522 с.
- 6 Земсков В.Б. Латиноамериканская литература как модель культуры // Латинская Америка. 1991. № 7. С. 58–69.
- 7 Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 500 с.
- 8 Искусство и цивилизационная идентичность. Сборник статей / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2007. 630 с.
- 9 Константинова Н.С. Многоголосоица культур. М.: РОССПЭН, 2015. 142 с.
- 10 Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017. 1032 с.
- 11 Лексин В.Н. Судьбы цивилизаций и русский вопрос: опыт системной диагностики. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2016. 800 с.
- 12 Мамардашвили М.К. Другое небо // Три каравеллы на горизонте: К 500-летию открытия Америки. Сборник статей. М.: Международные отношения, 1991. С. 37–59.
- 13 Надъярных М.Ф. Репрезентация границы в русской литературной философии // Проблемы культурного пограничья. Сборник трудов / Отв. ред. Ю.Н. Гирин. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2014. С. 189–198.
- 14 Фадеева Т.М. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. М.: Новалис, 2004. 253 с.
- 15 Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте мировой истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
- 16 Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Знание, 2017. 642 с.
- 17 Ярхо В.Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) / Античность и современность: Сборник статей / Редкол. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров, Т.И. Кузнецова. М.: Наука, 1972. С. 251–263.
- 18 Aínsa F. La reconstrucción de la Utopía. México: Ediciones UNESCO, 1997. 238 p.
- 19 Aínsa F. Palabras nómadas. Nueva cartografía de la pertenencia. Madrid, Iberoamericana Editorial Vervuert, 2012. 219 p.
- 20 Beriain J. Encuentros con la alteridad e identidades múltiples // Arbor. 2013. Mayo-junio. № 189 (761). a038.
- 21 León del Río Y. ¿Por qué la Utopía? // El Catoblepas. 2002. № 7. P. 5.
- 22 Lezama Lima J. Imagen de América Latina // América Latina en su Literatura / Ed. C. Fernandez Moreno. México; París: Siglo XXI / UNESCO, 1980. Pp. 462–468.
- 23 Mayor F. El dilema de la modernidad // Proposiciones. 1995. № 3. P. 52.
- 24 Ortega y Gasset J. Meditaciones del Quijote. Madrid: Revista de Occidente, 1956. 191 p.
- 25 Ramírez S. El mexicano, psicología de sus motivaciones. México: Grijalbo, 1977. 192 p.

References:

- 1 Ainsa F. Latinoamerikanskaya kul'tura: unikal'nost' i samobytnost' [The Latin American Culture: Uniqueness and Originality]. *Kul'tury: dialog narodov mira*, 1986, no. 4, pp. 35–35. (In Russ.)
- 2 Bahtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Creativity. Problems of Dostoevsky's Poetics]. Kiev, Next Publ., 1994. 509 p. (In Russ.)
- 3 Verdevua P. Poiski nacional'noj samobytnosti i ee vyrazhenie v XX veke [The Search for National Identity and its Expression in the 20th century]. *Kul'tury: dialog narodov mira*, 1986, no. 4, pp. 46–63. (In Russ.)
- 4 Girin YU.N. Granica i pustota: k voprosu o semiozise pogranych kul'tur [Border and Void: On the Semiosis of the Border Cultures]. *Voprosy filosofii*, 2002, no. 11, pp. 85–94. (In Russ.)
- 5 Erasov B.S. *Civilizacii. Universalii i samobytnost'* [Civilizations. Universals and Identity]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 522 p. (In Russ.)
- 6 Zemskov V.B. Latinoamerikanskaya literatura kak model' kul'tury [The Latin American Literature as a Model of Culture]. *Latinskaya Amerika*, 1991, no. 7, pp. 58–69. (In Russ.)
- 7 Zemskov V.B. *Obraz Rossii v sovremenno mire i drugie syuzhety* [The Image of Russia in the Modern World and Other Subjects]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarhyh iniciativ Publ., 2015. 500 p. (In Russ.)
- 8 *Iskusstvo i civilizacionnaya identichnost'* [Art and Civilizational Identity]. A collection of Articles, ed. N.A. Hrenov. Moscow, Nauka Publ., 2007. 630 p. (In Russ.)
- 9 Konstantinova N.S. *Mnogogolosica kul'tur* [Polyphony of Cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015. 142 p. (In Russ.)
- 10 Kofman A.F. *Pod pokrovitel'stvom Sant'yago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenityh konkistadorov* [Under the Patronage of Santiago. The Spanish Conquest of America and the Fate of the Famous Conquistadors]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2017. 1032 p. (In Russ.)
- 11 Leksin V.N. *Sud'by civilizacij i russkij vopros: opyt sistemnoj diagnostiki* [The Fate of Civilizations and the Russian Question: Experience of System Diagnostics]. Moscow, URSS, LENAND Publ., 2016. 800 p. (In Russ.)
- 12 Mamardashvili M.K. *Drugoe nebo* [Another Sky]. *Tri karavelly na gorizonte: K 500-letiyu otkrytiya Ameriki* [Three Caravels on the Horizon: For the 500th Anniversary of the Discovery of America]. Digest of articles. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1991, pp. 37–59. (In Russ.)
- 13 Nad'yarnyh M.F. *Reprezentaciya granicy v russkoj literaturnoj filosofii* [Representation of the Border in Russian Literary Philosophy]. *Problemy kul'turnogo pogranych'ya* [Cultural frontier problems]. Collection of works, ed. YU.N. Girin. Moscow, IMLI imeni A.M. Gor'kogo, 2014, pp. 189–198. (In Russ.)
- 14 Fadeeva T.M. *Obraz i simvol. Universal'nyj yazyk simvoliki v istorii kul'tury* [Image and Symbol. The Universal Language of Symbolics in the History of Culture]. Moscow, Novalis Publ., 2004. 253 p. (In Russ.)
- 15 SHemyakin YA.G. *Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste mirovoj istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 391 p. (In Russ.)
- 16 YAkovenko I.G. *Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz* [Cognition of Russia: Civilizational Analysis]. Moscow, Znanie Publ., 2017. 642 c. (In Russ.)
- 17 YArho V.N. *Byla li u drevnih grekov sovest'?* (K izobrazheniyu cheloveka v atticheskoj tragedii) [Had the Ancient Greeks Got a Conscience? (To the Image of a Man in an Attic Tragedy)]. *Antichnost' i sovremennost'* [Antiquity and Modernity]. Digest of articles, eds. M.E. Grabar'-Passek, M.L. Gasparov, T.I. Kuznecova. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 251–263. (In Russ.)
- 18 Ainsa F. *La reconstrucción de la Utopía*. México, Ediciones UNESCO, 1997. 238 p.
- 19 Ainsa F. *Palabras nómadas. Nueva cartografía de la pertenencia*. Madrid, Iberoamericana Editorial Vervuert, 2012. 219 p.
- 20 Beriain J. Encuentros con la alteridad e identidades múltiples. *Arbor*, 2013, mayo-junio, no. 189 (761), a038.
- 21 León del Río Y. ¿Por qué la Utopía? *El Catoblepas*, 2002, no. 7, p. 5.
- 22 Lezama Lima J. Imagen de América Latina. *América Latina en su Literatura*, ed. C. Fernandez Moreno. México, París, Siglo XXI / UNESCO, 1980, pp. 462–468.
- 23 Mayor F. El dilema de la modernidad. *Proposiciones*, 1995, no. 3, p. 52.
- 24 Ortega y Gasset J. *Meditaciones del Quijote*. Madrid, Revista de Occidente, 1956. 191 p.
- 25 Ramírez S. *El mexicano, psicología de sus motivaciones*. México, Grijalbo, 1977. 192 p.